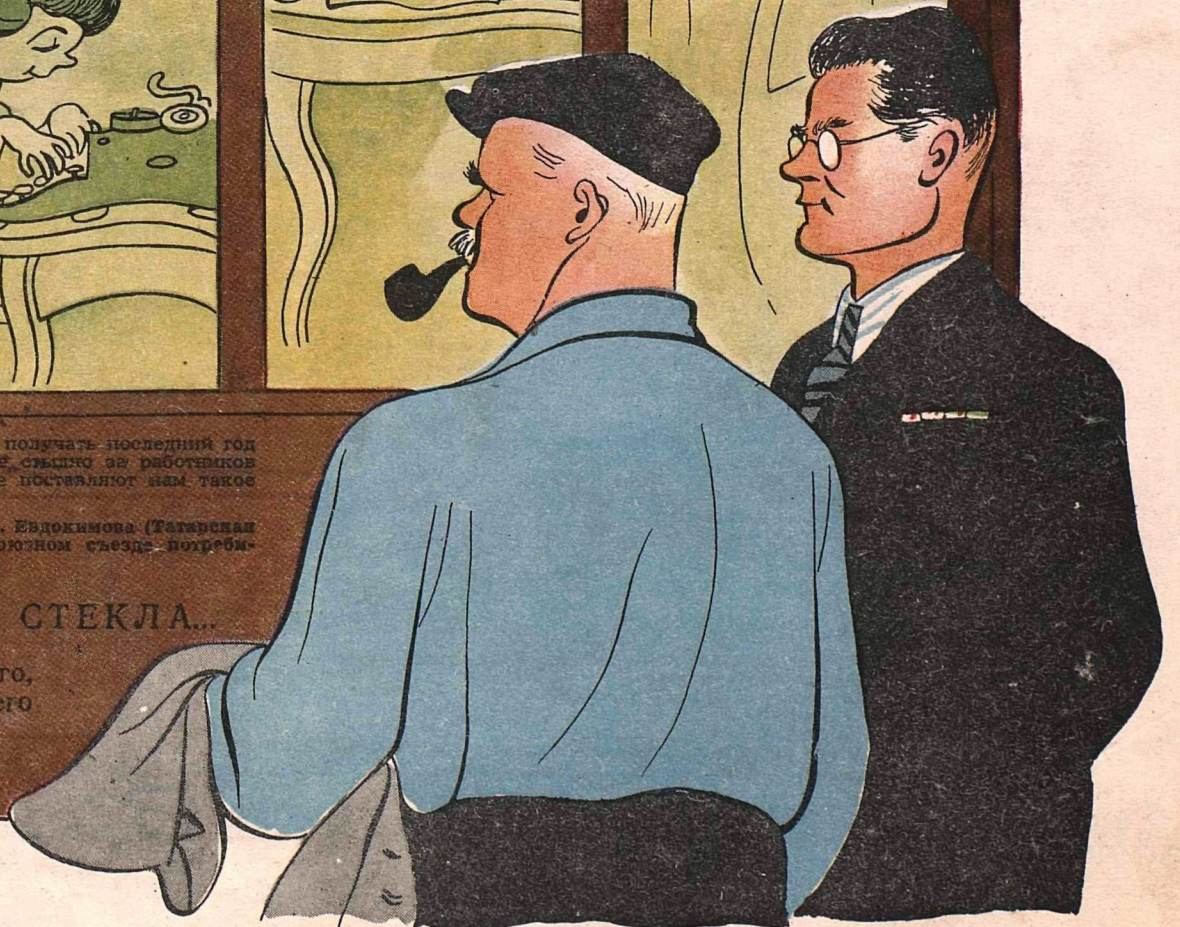
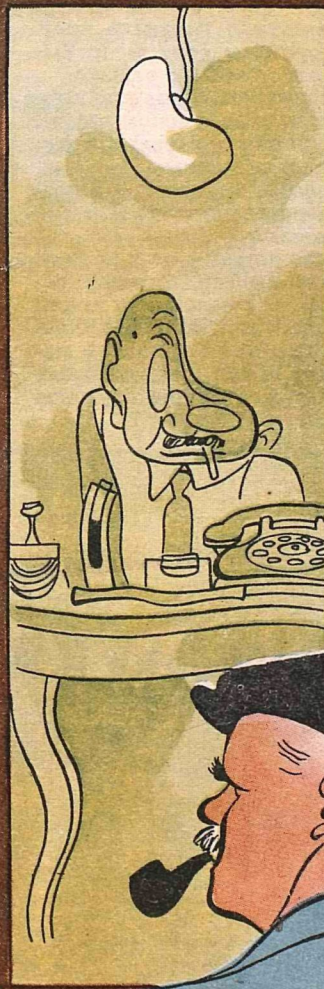
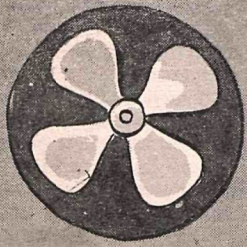

К Р О К О Д И Л

К 556/48г

ГЛАВСТЕКЛО

«Что за оконное стекло мы начали получать последний год и довольно в большом количестве! Мне стыдно за работников стекольной промышленности, которые поставляют нам такое стекло...»

Из выступления г-на Евдокимова (Татарская республика) на Всесоюзном съезде потребительской кооперации.

СКВОЗЬ ВОЛНИСТЫЕ СТЕКЛА...

— Очень бы хотелось увидеть того, кто такое стекло выпускает! Да как его сквозь такое стекло разглядеть?..

Бор. Ефимов - 48

Рис. Бор. ЕФИМОВА

К ВОПРОСУ О КУРОРТАХ

СКАЖЕМ прямо: к курортам всесоюзного значения это отношения не имеет. Речь идёт не о вскипающей белыми хризантемами зелёной волне, не об олеандрах и цикадах, не об умопомрачительных Байдарских воротах и также не о Храме воздуха в нарзанном городе Кисловодске.

Вопрос, поднимаемый нами, не касается также курортов местного значения, которые иногда возникают на базе тихой заводи либо на базе берёзовой рощицы и овражка с минеральным ручейком.

Что такое курорт? Это в самом лучшем случае тридцать дней отдыха. А бывают санатории и с более коротким сроком пребывания. Мы же взяли слово о местах продолжительного отдыха.

А такие места есть. Недавно нам рассказывали об одном кирпичном заводике, выстроенном в чудесном, живописном месте. Растёт вокруг заводика травка, птички чирикают на ветке, и муравьи на земле ползают, но в земле ни щепотки глины...

Рассказывали нам и о другом таком привольном месте — о речной пристани на бывшем берегу реки, которая давно уже изменила русло и протекает где-то в другом месте...

Река ушла от пристани, но до пристани не дошли ещё у кого-то руки. И жизнь, как принято говорить, продолжается. Слушает радио диспетчер, ржавеют компостеры в кассе, где кассирша, никем и ничем теперь не тревожимая, читает романы, играют в подкидного матроса с весовщиком, и сам начальник пристани походкой матёрого речника проходит к себе в кабинет. Здесь он вынимает из ящика и кладёт на запылённый стол пожелтевшие бумаги.

Чернила уже выцвели на бумагах, но если положить локти на эти измятые листы, а на руки голову, то можно и часок и другой вздремнуть. А во сне вновь увидеть и воду и речные пароходы...

Что реки меняют русла, — это всем нам очень хорошо известно, а тому, что иногда «руки не доходят», доподлинным примером может служить Любомльская районная нефтебаза Волинской области.

Ни осенние дожди, ни зимние вьюги и снегопады этой здравнице нипочём! На этом курорте сугубо местного значения есть одно не оценённое ещё прокуратурой свойство: действует этот тихий приют непрерывно весь круглый год, и люди отдыхают в нём, как у нас говорится, без отрыва от производства. Но поскольку ни в одном курортном справочнике этот любомльский рай почему-то не упоминается, мы и постараемся восполнить это непростительное упущение.

Этот курорт — или, как его здесь называют, нефтебаза — существует в Любомле с 1945 года. На базе подобрался небольшой, но довольно сплочённый штат из директора, бухгалтера, а также сторожей, ночных и дневных.

Не уточнена на базе только одна небольшая деталь: трудно установить и понять, кого же, собственно, обслуживает и чем вообще занимается весь этот небольшой дружный коллектив?

Что охраняют сторожа? Над чем директорствует директор? Что подсчитывает и какие счета ведёт бухгалтер?

Подсчитывать действительно нечего, и директорствовать тоже не над чем, потому что в эту нефтебазу с 1945 года и по сей день 1948 года не поступило ещё ни единого грамма горючего и смазочного.

А коль скоро не поступает горючее, то не функционирует и нефтебаза. Горючее не поступает из-за отсутствия подъездных путей, строительство коих не разрешается железной дорогой.

Строительство путей не разрешается, горючее не подвозится, и в баках нефтебазы, как говорится, одни слёзы.

А те, кто приставлен к этим бакам, — что же они все три года, все тридцать шесть месяцев делали и делают?

Будем говорить с обидной прямолинейностью: основным занятием этого сплочённого коллектива бессрочно отдыхающих является регулярное, в узаконенные сроки, получение заработной платы.

Платят деньги любомльским курортникам потому, что, как авторитетно разъясняет начальник Волинского областного управления Главнефтеснаба тов. Тихонов:

«На ликвидацию этого количества работников и снятие с баланса Любомльской нефтебазы решения не имеется, а поэтому указанное количество людей остаётся».

Остаётся...

Сколько же у государства высосет ещё денег этот испытанный за все три года беззаветного отдыха курортно-любомльский штат нефтебазы? И сколько ещё на нашей земле в зелёных дубравах, у таких запруд, хоронится от хозяйского глаза таких «любомлей»?..

Л. МИТНИЦКИИ

Календарь КРОКОДИЛА

ИЮНЬ

Роковой для интервентов день. 22 июня (1812) Наполеон начал войну против России и, можно сказать, в тот же день (22 июня 1815 года) лишился престола. 22 июня (1941) Гитлер вероломно напал на СССР — этот день и был началом конца гитлеровской Германии.

В Англии учреждён (1861) орден «Звезда Индии». Именно с этим событием связывают индийскую поговорку «Родиться под несчастной звездой».

454 года назад (1494) мореплаватель Джон Кабот (Англия), в тяжёлых условиях плавания под парусами, открыл Северную Америку. 454 года спустя Америка открыла, на ещё более тяжёлых условиях, кредит Англии.

Циркуляр царского министра Делянова о недопущении в средние школы «кухаркиных детей» (1882). Отменён в октябре 1917 года.

ЗОЛОТЫЕ ТРУБЫ ПЛЕМЕНИ ЯП ЯП

ЗНАМЕНИТЫЙ исследователь доктор Эмери Хорнсэйгл в своей последней книге — «Странные обычаи народа яп яп» — приводит несколько интересных наблюдений о свободе слова среди жителей этого малоизвестного острова.

Будучи принятым во дворце Инги Бумбум, главным вождём племени яп яп, доктор Хорнсэйгл спросил правителя, разрешается ли законом свободное изъяснение народом своего мнения.

— Безусловно, — ответил вождь. — Народ нашего острова пользуется абсолютной свободой слова, и правительство в своей работе руководствуется в точном соответствии с общественным мнением.

— Как же вы это достигаете? — спросил доктор Хорнсэйгл. — Благодаря какому методу получаете вы возможность узнать общественное мнение о различных событиях?

— Это очень просто, — объяснил вождь племени. — Когда надо решить, какой следовать политике, мы собираем всё без исключения население. Верховный жрец зачитывает вслух свиток, чтобы довести до сведения собравшихся, какие вопросы они будут разрешать. После этого я определяю волю моего народа, слушая Золотые Трубы.

— Что это за «Золотые Трубы»? — спросил Хорнсэйгл.

— Золотые Трубы, — сказал вождь, — являются единственным средством, благодаря которому может быть выражено общественное мнение. Я поднимаю правую руку над головой и выкликаю: «Все, кто за, трубите!» В тот же момент все те, которые поддерживают предложение, трубят в Золотые

Трубы. Затем я поднимаю левую руку и выкликаю: «Все, кто против, трубите!» На этот раз оппозиция дует в Золотые Трубы. Те, которые делают больший шум, естественно, являются большинством, и вопрос решается в их пользу.

— На мой взгляд, — произнёс доктор Хорнсэйгл, — это является наиболее совершенной демократией, о которой мне когда-либо приходилось слышать. Я бы очень хотел присутствовать при таком изъяснении народной воли и сделать несколько фотографий.

На следующий день доктор Хорнсэйгл получил желаемую возможность. Жители всего острова собрались на площади у дворца для решения вопроса государственной важности. Их было больше трёх тысяч человек, и все они были почти голые, если не считать повязки на бёдрах. Вдруг перед самым началом церемонии на носилках, посыпанных жемчугом, принесли четверых богато одетых туземных джентльменов. Сверкая бесценными самоцветами и распространяя вокруг себя благовоние, они расположились в самом первом ряду толпы, усевшись на шёлковые подушки. Прислужники павлиньими перьями обмахивали их.

— Кто это? — спросил Хорнсэйгл.

— Это, — ответил вождь племени, — самые богатые люди на острове.

Немедленно после прибытия зажиточного класса верховный жрец начал читать свиток. Затем вождь выступил вперёд и поднял над головой правую руку.

— Все, кто за, трубите! — закричал он.

Четверо богатых островитян, как один,

подняли свои Золотые Трубы и затрубили.

Вождь поднял левую руку.

— Все, кто против, трубите! — закричал он.

Ни звука не раздалось в огромной толпе. — Так тому и быть! — торжественно объявил вождь, распуская собравшихся.

Немного погодя доктор Хорнсэйгл спросил вождя, почему только четыре зажиточных гражданина протрубили в свои трубы.

— Потому что они являются единственными гражданами, которые могут приобрести Золотые Трубы, — объяснил вождь, — остальные — всего-навсего бедняки, рабочий люд.

— Это кажется мне не совсем полной свободой слова, — заметил Хорнсэйгл. — Свободой этой может пользоваться только небольшая группа богатей, трубящих в свои собственные трубы. Вот у нас, в Америке, действительно свободное волеизъявление народа!

— Разве? — воскликнул вождь племени яп яп. — Как же вы достигаете этого?

— В Америке, — ответил Хорнсэйгл, — вместо Золотых Труб мы имеем газеты, журналы и радиостанции.

— Очень интересно! — произнёс вождь. — Но кому принадлежат все эти газеты, журналы и радиостанции?

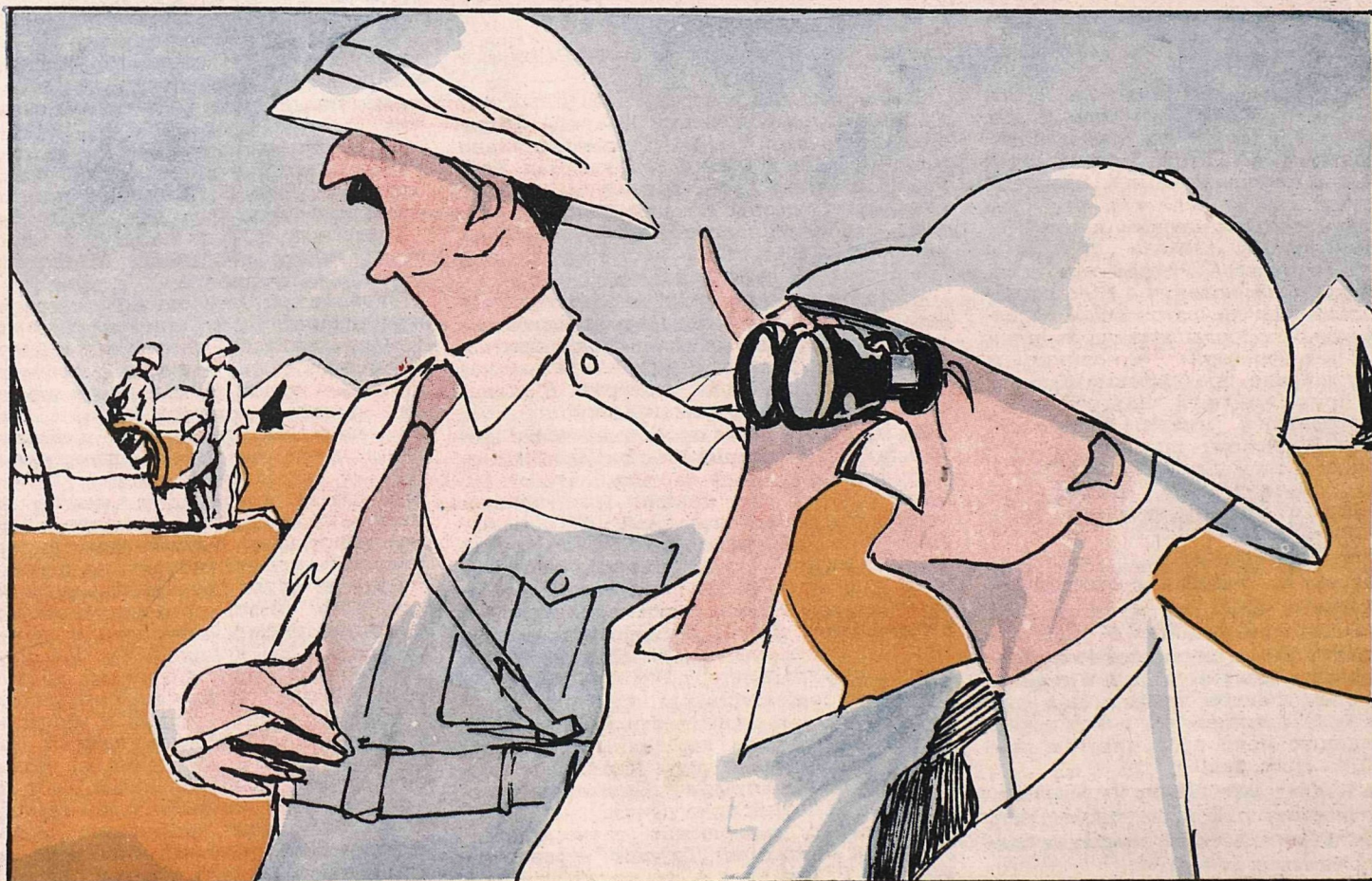
— Богатым людям, — ответил Хорнсэйгл.

— Тогда это — то же самое, что и у племени яп яп, — молвил вождь. — Богатые люди дуют в свои собственные Золотые Трубы и делают весь шум!

Перевод с английского
Юрия СМЕРНОВА

СВЯЩЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Рис. Л. ВРОДАТЫ

— Откровенно говоря, сэр, меня интересуют в Палестине не столько святые места, сколько места нефтеносные!

В МУЗЫКЕ, КАК В ПОЛИТИКЕ

— Я не столько рассчитываю на свои ноты, сколько на свои кулаки!

САМОПИШУЩИЙ КОЛУМБ

РЕПОРТЕРЫ американских газет заливались на все голоса:

— Миллионер вступил на стезю учёного! Чикагский король самопишущих ручек мистер Рейнольдс снаряжает научную экспедицию в Китай! Предполагает найти горную вершину выше Эвереста! Намерен установить, является ли устье реки Хуанхэ самым широким в мире!

Шумная реклама сделала своё дело: когда самолёт мистера Рейнольдса, носящий громкое наименование «Исследователь», приземлился на шанхайском аэродроме, там уже была организована пышная встреча. Гоминдановские чиновники и крупные китайские предприниматели почтительно приветствовали знатного гостя:

— Очень приятно, мистер Рейнольдс! Как мистер Рейнольдс перенёс путешествие из прекрасной Америки в прекрасный Китай? Может быть, мистер Рейнольдс соизволит сказать несколько слов перед микрофоном?

Миллионер — исследователь выплюнул окурок сигары и, подойдя к микрофону, зычно произнёс:

— Хэлло! Мистеры китайцы! Я прибыл к вам исключительно с научными географическими целями. Колумб открыл Америку, и я у вас тоже кое-что открою. И я горжусь, мистеры китайцы, что в эту почётную экспедицию меня провожал сам президент США. Натё вам!

Последние два слова были адресованы уже к присутствующим и сопровождались небрежным жестом: дескать, имеющие глаза могут убедиться вочью.

И перед окончательно обалдевшими гоминдановскими чиновниками появилась превосходно снятая фотография: мистер

Трумэн пожимает руку мистеру Рейнольдсу.

После пышных почестей, оказанных ему в Шанхае, «американский Колумб» отправился в Нанкин, где был незамедлительно приглашён на приём к супруге Чан Кай-ши. И в самом деле, почему бы супруге китайского президента не поприветствовать такое финансово-научное светило, которому оказал столь лестное внимание американский президент?

— Хай ду ю ду, — сказал мистер Рейнольдс, склоняясь в тяжёловесном поклоне перед мадам Чан Кай-ши. — Ваше приглашение, леди, равносильно для меня приказу. Я счастлив, леди, лицезреть в вашем лице прекраснейшую леди в мире.

Не прошло и нескольких дней после этого события, как фирма Рейнольдс в Чикаго выпустила огромную партию почтовой бумаги, каждый лист которой был украшен сногсшибательной рекламой. «Самопишущие ручки Рейнольдса — лучшие в мире!» — гласила надпись в верхнем углу листа. А чуть ниже была воспроизведена и соответствующим образом прокомментирована превосходно снятая фотография: мадам Чан Кай-ши с любезной улыбкой на устах пожимает руку мистеру Рейнольдсу.

Словом, гостеприимные китайцы вдруг поняли, что «великий географ» даже и не думает обследовать заоблачные вершины или измерять устье реки Хуанхэ, а интересуется исключительно размещением заказов на самопишущие ручки.

И, наконец, совершенно точно выяснилось, как президент Трумэн «проводал» мистера Рейнольдса в его китайскую экспедицию. Узнав, что Трумэн вылетает в один из штатов, Рейнольдс ухитрился поставить свой самолёт на аэродроме побли-

зости от самолёта президента. И когда Трумэн уже готовился сесть в кабину, предприимчивый делец почтительно остановил его:

— Мистер президент, не откажите в любезности взглянуть на мой самолёт. Он вам нравится? О-кэй! Благодарю вас, мистер президент, разрешите вам пожать руку.

Президент не мог отказать в этом такому важному господину, обладателю собственного самолёта.

Заранее приготовленный фотограф щёлкнул аппаратом, и сенсационный снимок был предъявлен Рейнольдсом в Китае.

Околпаченные гоминдановские власти пришли в ярость. За последние два года им уже пришлось кое-что навидаться от своих заокеанских гостей — американских бизнесменов, но такого нахальства они ещё не видывали. У мистера Рейнольдса был тут же отобран дипломатический паспорт, и на самолёт «знаменитого географа» наложился арест. Трудно сказать, чем кончилась бы вся эта история, но король самопишущих ручек проявил в данных обстоятельствах чисто королевскую сметку: он подкупил охрану аэродрома и улетел в свои на своём шикарном «Исследователе», оставив своим китайским друзьям на добрую память отобранный у него паспорт.

Говорят, что в Нанкине и Шанхае и по сей день поминают нехорошими словами мистера Рейнольдса. Говорят также, что он этим не особенно опечален. Да и что ему делается? Его самопишущие ручки идут ходко. Они даже включены — наравне с жевательной резинкой и яичным порошком — в ассортимент товаров первой необходимости, которые предусмотрены благотельным «планом Маршалла» для страждущей Европы.

В. ХАРЬКОВ

Необычайное происшествие

Был понедельник. Обычный понедельник, за которым следует вторник.

Пётр Петрович Усиков, как всегда, сидел за широким столом своего кабинета.

Солнце, нарушив дисциплину учреждения, вошло без доклада в кабинет заведующего, и развязный «зайчик» вскочил на стол, засуетился и замер, поблдев, на папке с надписью «На подпись».

Пётр Петрович глянул косо на «зайчика», но «на челе его высоком не отразилось ничего». Ему было все равно. Он вообще не любил обращать внимания. Человек он был такой:

- Пётр Петрович, вас спрашивают.
- Подождут.
- Пётр Петрович, спешное дело...
- Не горит.
- Товарищ Усиков, меня к вам направили по поводу...
- К секретарю.
- Гражданин заведующий, у вас моё заявление, так я...
- Через два дня.
- Вы бюрократ, товарищ Усиков, вот вы кто!
- Вот вам жалобная книга — пишете.

- Это чорт знает что!
- Если чорт знает, так вы с ним и разговаривайте.

Так жил и так работал Пётр Петрович Усиков.

И вот он сидел за столом в своём кабинете, игнорировал солнечного «зайчика» и курил «Казбек», а за дверью его кабинета сидели измученные ожиданием посетителя.

А в это время...

...Работники «Союзкинохроники» — оператор Грабай и автор-сценарист Петров-Сидоров — выпрыгнули из кабины машины, лихо взбежали на четвёртый этаж и остановились у кабинета секретаря:

- Усиков у вас работает?
- У нас, — ответила секретарша.

Грабай свесился с перил лестницы и зычно крикнул вниз:

- Чумаков! Тащи подсветку.
- Проведите нас к Усикову, — сказал Петров-Сидоров.

И секретарша быстро ввела кинематографистов в кабинет заведующего.

Приветствую! — элегантно произнёс Петров-Сидоров, приподняв шляпу. — Собственный корреспондент «Союзкинохроники» Петров-Сидоров. А это наш кинооператор товарищ Грабай, вероятно, известный вам по картине «Жизнь микробов». Мы готовим сейчас новый хроникальный фильм, и вас, товарищ Усиков, нам поручено заснять как одного из лучших заведующих в районе. Товарищ Грабай снимет вас, а я буду писать текст. Ввиду чего я попрошу вас ответить мне на ряд вопросов.

А вы уверены, что вам поручили заснять для кино именно меня? — робко спросил Усиков.

- Вы Усиков?
- Усиков.
- Заведующий?
- Заведующий.
- Кого же ещё?! Чумаков! Подсветку ставь слева... Значит, вопросы у меня такие: как вы добились такого положения, что у вас не получается волокиты с заявлениями?
- То есть, как «не получается»?
- Вот я и спрашиваю, как это вы добились, что не получается?
- Так... Как вам сказать?... Стараюсь...
- Стараетесь. Очень хорошо, — Петров-Сидоров записал в блокноте. — Каким образом вам удалось наладить быстрый приём посетителей?

- Быстрый?
- Ну да...
- Стараюсь разрешать вопросы быстрее.
- Стараетесь. Очень хорошо, — Петров-Сидоров записал в блокноте. — Теперь расскажите о вашем отношении к сослуживцам и к посетителям.

— Что же тут рассказывать?

— О чуткости, о внимании, о любезном обхождении, — словом, обо всём том, за что вас так любят и уважают.

Усиков поблдевал и опустил глаза, которые у него предварительно вылезли на лоб.

— Это меня-то? — сказал он прерывающимся голосом.

— А кого же ещё!.. — сказал Петров-Сидоров, похлопав Усикова по плечу, и записал в блокноте: «Скромность всегда была отличительной чертой его характера». — Ну, с меня достаточно. Больше вас мучить не буду, — сказал Петров-Сидоров. — Теперь будем вас снимать. Вы работайте, принимайте служащих и посетителей, а мы будем производить съёмку вашего рабочего дня.

— Чумаков! Включай подсветку! — скомандовал Грабай, и осветитель включил мощную лампу, ярко осветившую лицо Усикова, с которого катил градом пот.

Усиков продолжал свой рабочий день в лучах пятисотсвечевой лампы, перед объективом киноаппарата.

— Пётр Петрович, вас спрашивают.

— Почему же вы не пригласили ко мне в кабинет? Пусть войдут.

— Пётр Петрович, спешное дело.

— Раз спешное, значит, поспешим. Думаю, что не насмешим (и он улыбнулся Петрову-Сидорову).

— Товарищ Усиков, у меня к вам направление по поводу...

— Знаю. Вот ваши бумаги. Сейчас позвоню Устаковичу. Алло!.. Сигизмунд Карпович? К вам зайдёт гражданин Пётр Петрович, сделайте ему всё, что нужно. Что? С кем согласовать? Не нужно ни с кем согласовывать. Я согласовал со своей головой. Это — самое правильное. Да. Пока.

— Гражданин заведующий, у вас моё заявление?

— Вот оно. Получите с резолюцией.

— Как? Уже?

— Уже. Извините, что задержал вас. Что это у вас такое бледное лицо? Нужно подлечиться... На здоровье следует обращать внимание, а то нехорошо может получиться... Пожалуйста... Сделаем... Уже... Будьте добры... Простите... Всего хорошего... Будьте здоровы... Мерси...

Служащие и посетители с улыбками покидали кабинет, не узнавая Усикова и поражаясь.

А кинооператор Грабай вертел ручку своего киноаппарата.

* * *

Грабай и Петров-Сидоров вернулись в студию «Кинохроники».

— Ну, каковы успехи? — спросил директор.

— Всё в порядке. Засняли сто пятьдесят метров Усикова.

— А магазин удалось интересно снять? — полюбопытствовал директор.

— Какой магазин? Учрежденье. Усиков-то ведь — заведующий учреждением, а не лавкой.

— Усиков — завмаг продуктового магазина № 52.

— Позвольте...

— Не позволяй!.. Вы по какому адресу производили съёмку?

— Большая Бабуриная, дом 7. Четвёртый этаж...

— А Усиков работает в этом же доме, но внизу, в продмаге. Эх, вы!.. Не того Усикова сняли... Только зря плёнку испортили...

* * *

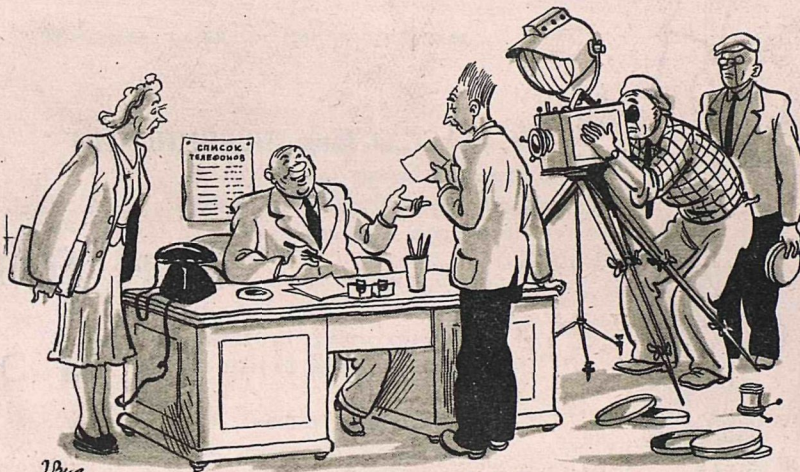
С вышеупомянутого солнечного утра прошло две недели.

Усикова Пётра Петровича не узнать. Во всём районе нет более вежливого, более чуткого и более энергичного заведующего. Его будто подменили.

И все те, кто знал его раньше, — все в один голос говорят:

— Мы явно недооценивали Усикова.

Если читатель сомневается, попросим его зайти на Бабуриную, 7, и проверить.

— Счастливец! Попал под машину!..

— Не уходите, дядя! Вы даёте хорошую тень!

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

УНИКУМЫ МЭТР

Он почему-то с юных лет
Был убеждён, что он поэт.

Тот путь, который он избрал,
Конечно, не был лучезарным.
Ещё когда он начинал,
Уже тогда он слыл бездарным.

Казалось, так же неуклюже
Писать легко, но всякий знал,
Что он единственный, что хуже
Никто на свете не писал.

Его бранили все газеты,
Ругали критики, поэты...

Тогда, чтоб искупить грехи,
Он бросил рифмовать и кстат
Стал подготавливать к печати
Брошюру «Как писать стихи».

Брошюру выругали. Он
Недолго этим был смущён,
А стал, как человек упрямый,
Писать трагедии и драмы.

Писал он по три пьесы в год.
Он брал народы в оборот,
Чтоб показать лицо эпохи,
Но пьесы всё же были плохи.

Их все ругали много лет,
Кричали: — Эти пьесы — бред!

Но у него была система:
Когда он слышал этот крик,

Он строго спрашивал: — А тема?
И этим ставил всех втупик.

Но тема темой, а меж тем
Похвал не слышал он совсем.

Тогда, за дело взявшись снова,
Он с головой в работу влез
И вскоре создал труд «Основы
И метод построенья пьес».

С трудом читался этот труд,
Его ругали там и тут.

Тогда он приступил к рассказу,
Но был и тут обруган сразу,
Однако написать успел
Методологию новелл.

Методологию издали
И тут же крепко изругали.

Тогда он съездил в Казахстан
И написал большой роман.
Роман уныло воспевал
Природу, нравы, быт, работу.

И споров он не вызывал,
А вызывал одну зевоту.

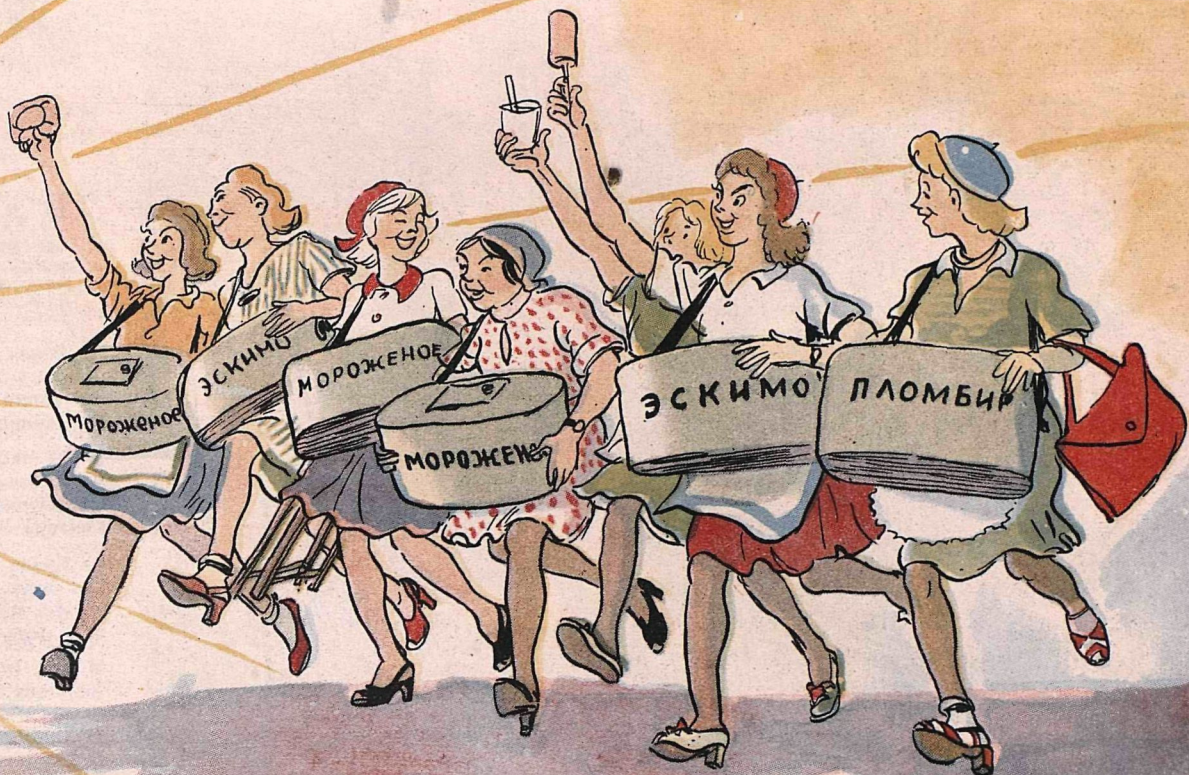
Опять был поднят в прессе крик,
Но к крику он уже привык
И тут же сел писать брошюры
«Роман как жанр литературы».

— Я из-за этого солнцепёка удар получил!.. Льдом не запасся — и по мне ударили выговором!

ОКТО!

СОЛНЦЕ: — Задало я им, однако, жару! Интересно, сколько у них теперь там в тени?

Вторжение холодных арктических масс...

Его ругали. Шли недели,
За ними месяцы летели.
Он долго жил, грустя, скорбя,
И вдруг... и вдруг нашёл себя!

Не пишет больше, как ни странно,
Он книгу «Как писать роман».
Для написания романа
Не выезжает в Казахстан.

Ни по ночам, ни по утрам
Не сочиняет больше драм.

Стихотворений и статей
Не пишет даже для детей.

Он даже скромного рассказа
Не написал ни одного.
Короче, он (объявим сразу)
Не пишет больше ничего.

Да, ничего... но тем не менее
Он сразу занял положение.

Так кто ж он? В чём его талант?
Он — консультант!

Давно забросил он перо,
И всё же он сейчас в расцвете.
Он член жюри, он член бюро,
Он даже где-то в худсовете.

Уже он сед, почти что стар,
Но пыл его не остывает.
Ведёт он где-то семинар,
О чём-то лекции читает,

Он опекает одарённых,
Он защищает молодых,
Он член комиссий похоронных,
И юбилейных, и иных.

Всегда он в хлопотах, в труде,
Он дел проверяет грудю,
Он консультирует везде,
Он фигурирует повсюду.

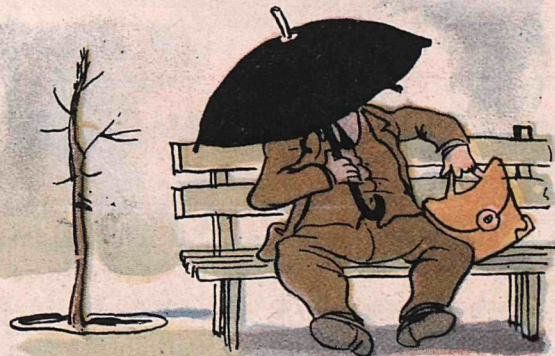
Так путь, который он избрал,
Вдруг ясным стал и лучезарным...

А ведь когда он начинал,
Он почему-то слыл бездарным.

О ЛЮБИТЕЛЯХ ТЕНИ

Критик Н. во всём находил теньевые стороны.

Этот человек, сорвав план озеленения, умудрился остаться в тени.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

О лице писателя судят не по приложенному к его книге портрету автора, а по самой книге.

Впервые в жизни увидел Кавказские горы и снисходительно одобрил: «На уровне!»

Жалобные книги не случайно продаются в магазинах канцелярских принадлежностей.

Купил блокнот, чтоб записывать в него свои мысли, а мыслей-то и не оказалось.

Роман их был так долог и скучен, что его хотелось сдать в толстый журнал.

Длеть болезни он не хотел, — он хотел только продлить больничный лист.

Подчинённым он был как отец родной: покрикивал на них, как на своих детей, и посылал по своим личным надобностям.

Картина в золочёной раме походила на хорошее зеркало, отразившее плохой вид.
М. ЯКОВЛЕВ

А вот этот наводит тень на ясный день.

КОШКА ДОРОГУ ПЕРЕБЕЖАЛА

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Вот умора! Мы, оказывается, меньше боимся кошки, чем эта большая женщина!

Невероятно, НО ФАКТ

ДРАМА В «ТЕАТРЕ ДРАМЫ»

В Могилёвском областном театре русской драмы во время спектакля «Женитьба Белугина» артист Орлов напился пьяным и играть больше не мог. Вместо него роль вёл худрук Донатти, который читал текст по книге.

Не стали б мы хулить Орлова
(Какая в этом нам корысть?),
Но зелия хлебнув хмельного,
Он зелием подкошен бысть.

Даны звонки. И режиссёры
К Орлову обратили взоры,
Но он лишь мог — увы и ах! —
Передвигаться на бровях.

— Какая пьеса? До того ли!
Ты, друг худрук, меня уволь!
Актёр там не играет роли,
Где роль играет алкоголь.

И вот, покуда алкоголик
Вкушает сон от «малых толик»,
Худрук, искусство возлюбя,
На сцену вывел сам себя.

Всему виною здесь вино, и
Пора, нарушив тишь да гладь,
Не одного Орлова, но и
Донатти,

кстати,

воспитать.

Ян САШИН

Свидание друзей

для некоторых комедия, а по существу драма в трех действиях с эпилогом.

Место действия — город Вязники, Владимирской области.

Действие первое

Кабинет председателя городского совета. В кабинете несколько членов президиума исполкома. В углу сидит директор «Зелентреста» тов. Луговой. Луговой чем-то расстроен.

Председатель (сурово). Итак, товарищи, подведём итог. Всем совершенно ясно, что тов. Луговой работу «Зелентреста» развалил.

Голоса. Правильно! Развалил! Дальше некуда!

Председатель. Вот и я говорю: дальше держать его на такой ответственной должности невозможно. Если Луговой ещё хоть месяц в тресте посидит, все наши древонасаждения завянут...

Голоса. Правильно! Завянут! Да уже завяли!

Председатель. Вот я и говорю. Завяли... Как же, товарищи, решили? Снять?

Голоса. Правильно! Снять!

Председатель. Так и решим. Товарища Лугового как не оправдавшего доверия и не справившегося с работой с занимаемой должности снять. Голосую. Возражений нет? Нет.

Луговой (грустно). Куда же я теперь?

Председатель (загадочно). Туда же, куда и все...

Занавес

Действие второе

Тот же кабинет. Те же люди. Только на месте Лугового сидит управляющий коммунальным трестом Петров. Речи те же. Вывод такой же.

Чтобы не утруждать читателя, даём лишь заключительную часть действия.

Председатель. Так и решим. Петрова как не оправдавшего доверия и не справившегося с работой с занимаемой должности снять. Голосую. Возражений нет? Нет.

Петров (грустно). Куда же я теперь?

Председатель (загадочно). Туда же, куда и все. На болото!

Занавес

Действие третье

Болото. Контора Бурицкого торфопредприятия. Директор предприятия Каменев слушает доклад своего заведующего кадрами.

Зав. кадрами. Могу вас обрадовать: прибыло пополнение. Бывший директор «Зелентреста» Луговой и бывший управляющий коммунальным трестом Петров. Обоим предложено использовать на руководящей работе. Лугового рекомендовано назначить начальником отдела рабочего снабжения. Петрова...

Каменев. Да куда же они мне нужны? У меня и без них... этих самых... снятых да уволенных хватает. Киселёв на железной дороге проштрафился — прислали к нам. Бухгалтер Костаков из шести мест уволен — теперь у нас. Ты бы сказал, чтобы к нам таких больше не приславали.

Зав. кадрами. Говорил, не помогает.

Каменев. А ты бы посильнее сказал.

Зав. кадрами. Сильнее не могу.

Каменев. Почему?

Зав. кадрами (смущённо). Намекают, что и я не без греха...

Каменев. А ты бы на мой авторитет сослался.

Зав. кадрами. Ссылаюсь...

Каменев. А они что?

Зав. кадрами (стыдливо). Неудобно передавать.

Каменев. Ничего, не стесняйся...

Зав. кадрами. Не могу... нехорошо...

Каменев (строго). Ну!

Зав. кадрами. Пусть, говорят, Каменев не зазнаётся. Пусть, говорят, не забывает, что и его с поста директора фабрики «Парикская коммуна» сняли и на болото послали...

Каменев (задумчиво). Болото, оно и есть болото.

Зав. кадрами (грустно). Вестимо!

Эпилог

Собственно говоря, эпилога ещё нет, но он, есть основания полагать, будет. Произойдёт это осенью или зимой. Вдруг неожиданно может обнаружиться, что торфа добыто меньше, чем полагалось, а высушено и убрано ещё меньше. Вот тогда между руководящими товарищами города Вязники произойдёт такой разговор.

Первый. Кому доверили? Как это мы с вами не доглядели?

Второй. Не досмотрели...

Арк. ВАСИЛЬЕВ

И. А. ГОНЧАРОВ. ОБЛОМОВ. РОМАН В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ. ГОСЛИТИЗДАТ. 1947. СТР. 440. ЦЕНА 10 РУБ.

Из классических произведений, озаглавленных на букву «О», целых три романа принадлежат перу рецензируемого нами автора. Мы имеем в виду «Обыкновенную историю», «Обрыв» и «Обломов». К вопросу о пристрастии И. А. Гончарова к этой букве алфавита мы вернемся в следующий раз. Сейчас основной задачей нашего исследования является книга «Обломов».

Мы не будем излагать содержание произведения. Хотя, признаться, это здорово облегчило бы нашу работу.

Как известно, иные критики и рецензенты почти девяносто пять процентов своих талантливых и вдохновенных строк уделяют изложению содержания романа, пьесы, фильма, после чего у читателя нередко отпадает всякая охота войти в более тесное соприкосновение с фильмом, пьесой, романом.

Но зато критик сделал всё от него зависящее. Во-первых, он напечатал большую, а следовательно, серьёзную статью. Во-вторых, ему удалось лишний раз подчеркнуть свою скромность: не похвастал перед читателем ни одной свежей и оригинальной мыслью.

Но мы отошли несколько в сторону. Тем более что наши размышления о критиках ничего общего с «Обломовым» не имеют. Это скорее всего «обыкновенная история».

В рецензируемом нами романе автор с присущей ему наблюдательностью рисует одного из самых ярких представителей обломовщины — Илью Ильича Обломова.

Это лентяй и лежебока, который целыми днями валяется на диване и не в силах не только шевельнуть мыслью, но даже ударить пальцем о палец.

Нет, он не совсем зачих и заплесневел, Илья Ильич Обломов. Порой он и помечтает непрочь и ему не чужды благие порывы, но осуществить их не дано, потому что для этого потребовался бы какой-то труд, какое-то движение...

С большим интересом читается это выдающееся произведение.

С интересом и... с удовлетворением. Потому что с удовлетворением, что знаешь: обломовщина — это дело давнее, дело прошлое, преданье старины глубокой.

Но на этом самом месте мы замечаем, что И. А. Дьяченко хочет внести кое-какие дополнения в наши рассуждения об Обломове.

Эти дополнения сводятся к следующему: — Я полностью согласен, — говорит тов. Дьяченко, — что в наши дни обломовщине нет места. Но отдельные черты обломовского характера ещё до сих пор торчат кое у кого.

И. А. Дьяченко — не критик, не литературовед. Он пострадавший.

В августе 1946 года офицер Дьяченко отправил свой багаж со станции Сортавала в город Пинск. О дальнейшей судьбе этого багажа можно сказать одним словом: пропал.

Это неблагозвучное слово не понравилось тов. Дьяченко. И он предъявил претензию Брест-Литовской железной дороге, одновременно пожаловавшись в несколько инстанций и канцелярий.

Вы помните, как Гончаров характеризует Обломова:

«Ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души?»

Дальше романист говорит о том, что, глядя на Обломова со стороны, можно было бы сказать:

«Добряк должен быть, простота!»

— Наш доктор не умеет хранить врачебной тайны. Разболтал по всему заводу, что я симулянт.

Многие привыкли думать, что бюрократ — это главным образом существо, скрежещущее зубами. Короче говоря, «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

Но вот появился новый тип бюрократа. Взглянешь на него и скажешь: «Добряк должен быть, простота!»

Он ласково будет с вами разговаривать, но ничего не сделает. Ему лень. В душе он, может быть, даже подумает: «А хорошо бы вникнуть и помочь». Но нет, не стоит, Лень. Это не Обломов во весь рост. Но это осколок Обломова.

Заявления Дьяченко попали вот к таким «осколкам».

Не думайте, что заявления оставлены без ответа. На это ещё хватало силы и энергии, чтоб начертать всего две-три строчки. Но никто из них не пошевелился, чтоб оказать Дьяченко конкретную помощь в розыске его багажа или в получении денег за пропавшие вещи.

За 1946—1947 года Дьяченко получил семьдесят пять ответов. Вернее, не семьдесят пять ответов, а семьдесят пять советов. А всего до сего дня получено свыше ста ответов-советов.

Прокуратура Брест-Литовской дороги любезно советует Дьяченко:

«Предъявите гражданский иск в народный суд, город Барановичи».

Барановичский народный суд не замедлил посоветовать:

«Обратитесь в управление Брест-Литовской дороги для исполнения по территориальности» (?!).

Прокурор из Минска советует:

«Обратитесь к прокурору Брест-Литовской ж. д. по поднадзорности» (?!).

Центральное пассажирское управление Министерства путей сообщения советует: «Вам надлежит обратиться в грузовую службу Брест-Литовской дороги».

Так до сих пор сыплются на голову Дьяченко добрые советы. Но нет ни багажа, ни денег за багаж.

Зато все так внимательны и вежливы. Обращаются к тов. Дьяченко по имени-отчеству, к тому же называют его «уважаемый» и «дорогой».

Лишь младший лейтенант милиции Кравцов со станции Лунинец подсыпал малую толику административной лирики.

«По вопросу о пропаже вашего багажа, — сообщает он тов. Дьяченко, — вы должны явиться в ж.-д. милицию... За неявку будете нести ответственность...»

За недостатком места мы не имеем возможности более подробно остановиться как на романе Гончарова, так и на грустной повести Дьяченко. Надо в заключение лишь отметить, что книга издана хорошо и стоит совсем недорого. Переписка по поводу дьяченкового багажа обошлась государству гораздо дороже.

Г. РЫКЛИН

ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЕ СКАЧКИ

— Действуй, дорогой, заготовляй, возвращайся с победой! — напутствовал Асиновского директор Московского ипподрома Могилёвкин, вручая ему пачку чистых бланков и грузовик своего учреждения.

И Асиновский стартовал в Краснодар — заготовлять продукты для служащих ипподрома.

Начал он действовать уже в пути. Краткая остановка в Курской области ознаменовалась закупкой тонны картофеля, который был немедленно продан Асиновским в Краснодаре. Прибыль от этой скромной операции составила 8 тысяч рублей. В ход был пущен первый чистый бланк. Документ в заполненном виде гласил, что картофель послан из Москвы для сотрудников Краснодарского ипподрома.

За удачным началом последовало ещё более удачное продолжение. Неутомимый заготовитель скакал в Анапу, Новороссийск, в станицы, он скупал и покупал рыбу и извёсть, он перевозил на ипподромовской машине кирпич, нефть, продукты. Обороты росли непрерывно.

Но перейдём к финалу.

В результате заготовок служащие Московского ипподрома никаких продуктов не получили.

Асиновский во время скачек в конце концов оступился, был пойман с поличным и получил, что ему полагается.

Что касается директора Могилёвкина, то он ничего не получил. Хотя и ему полагается.

ДЕЛА ИДУТ — КОНТОРА ПИШЕТ

Тов. Леверант, начальник Читинской областной конторы Главкинопроката, где-то услышал, что нужно оказывать всемерное внимание селу.

— Оказывать, так оказывать! — решил он и разослал по всем сельским местностям области такую анкету:

«1. Сколько раз у вас в 1947 году просматривались фильмы? 2. Когда у вас последний раз демонстрировалась картина? 3. Ваши отзывы о просмотренных фильмах».

Председатель Альдейского сельсовета, Сквородинского района, тов. Герасимов постарался удовлетворить любопытство Леверанта и прислал ответ:

«1. За 1947 — 1948 год ни одного фильма зрители не видели. 2. Когда последний раз демонстрировалась картина, не помнят даже старожилы села. 3. Отзывов о фильмах нет, так как и фильмов нет».

Аналогичные послания были получены и из других районов.

Картина ясна: картинами Читинская контора Главкинопроката село не очень балует.

ТОВАРИЩЕСКАЯ УСЛУГА

Нам всячески хочется помочь Московскому отделению «Гипролегпрома», который в поте лица трудится над проектом восстановления харьковской швейной фабрики имени Тинякова. Поэтому со всей искренностью сообщаем: восстановление фабрики уже заканчивается без всякого проекта.

Может быть, «Гипролегпром» интересуется вопросом, как это могло случиться? Охотно расскажем.

НА КОЛХОЗНОМ СТАДИОНЕ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Это ничего, что мы на этом поле проиграли! Зато мы на том поле отыграемся!

Помните, товарищи из «Гипролегпрома», как в 1943 году, после освобождения Харькова, вам был заказан проект восстановления фабрики и даже уплачено 145 тысяч рублей за изготовление его?

Так вот, прошёл год, другой, третий... Работники фабрики убедились, что «Гипролегпром» не очень-то спешит со сдачей проекта, и поэтому принялись сами за восстановление фабрики. И сейчас работу успешно заканчивают.

Считайте это наше сообщение чисто товарищеской услугой и решайте сами, стоит ли вам дальше трудиться над проектом восстановления харьковской швейной фабрики имени Тинякова.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Есть такой трест «Промстальконструкция». А в тресте том есть негосударственный ящик. А в этом ящике...

В этом ящике ничего нет, так как ключи к нему когда-то кем-то были утеряны.

Но не стоять же ящику без дела! Решили изготовить к нему ключи. Сказано — сделано.

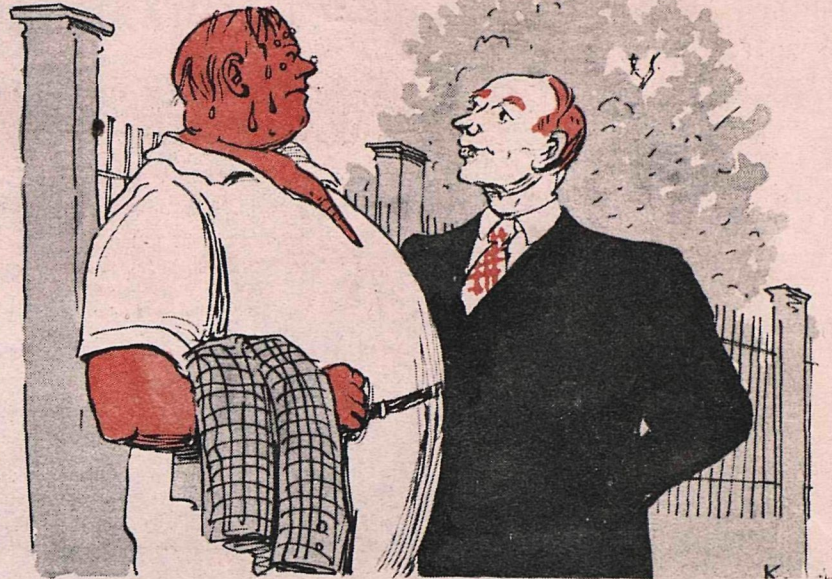
— А что дальше было, знаете? Обратились, скажете, к частнику, уплатили взятку? Ничего подобного! В тресте поступили совсем наоборот: обратились на Московский государственный механический завод имени Фрунзе.

Осмотрели на заводе ящик и сказали: «Пустяк!» И предъявили тресту счёт: за вскрытие ящика — 80 рублей, за ремонт замка — 100 рублей и за изготовление двух ключей — 270 рублей.

Сказочный Буратино искал золотой ключик. Чудак, он не знал, где его искать! Ему бы обратиться на Механический завод имени Фрунзе — и всё было бы в порядке. Здесь что ни ключ, то золотой.

ПОД СОЛНЦЕМ МАТЧА

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— Вы откуда: с южного берега Крыма?
— Нет, с Южной трибуны «Динамо».

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

С интересом прочли мы в «Известиях» очерк Л. Кудреватых о нашем городе. В очерке сказано:

«Работают электростанции, десятки заводов... пущен трамвай, курсируют автобусы».

Где мог Л. Кудреватых увидеть в Севастополе трамвай, для нас, севастопольцев, остаётся непостижимой загадкой. Мы нарочно обошли весь город, запросили городской совет, редакцию местной газеты, и никто не мог обнаружить трамвая. Даже напоминание с трамвая — остатки рельсов, и те снимаются. Мы не обнаружили этого вида транспорта и в пятилетнем плане: вместо трамвая в Севастополе будут курсировать троллейбусы.

Гончаров как-то писал, что фантазия — это своего рода такой паровик, что дай бог только, чтобы котёл не лопнул...

Есть все основания полагать, что в момент писания очерка у Л. Кудреватых котёл паровика его досужей фантазии был на последнем пределе напряжения.

А. ТИХОМИРОВ

г. Севастополь.

Уважаемый Крокодил!

Нынче осенью исполняется три года со дня организации в Детчинском районе, Калужской области, плодовоовощной базы Главного управления пищеконцентратов.

Имея штат в количестве 6 (шести) человек с месячным фондом заработной платы в 2175 (две тысячи сто семьдесят пять) рублей, плодовоовощная база за всё время своей высокопроизводительной деятельности ни одного плода, равно как и ни одного овоща, не заготовила.

С такими выдающимися достижениями подводит эта знаменитая база к третьей годовщине своего существования.

Надо полагать, что и в дальнейшем все 6 (шесть) могучих сотрудников базы будут так же безмятежно жить и получать заработную плату, если Главпищеконцентрат не сконцентрирует наконец на ней своего внимания.

А. СЕРКОВ,

старший ревизор отдела госдоходов облфпо г. Калуга.

Уважаемый Крокодил!

И какой же начальник орс не любит получать премии? Но в феврале сего года начальник орс Днепровского речного пароходства тов. Закута о премии и мечтать не смел, ибо этот месяц он закончил с убытком в 83 тысячи рублей. Тем более радостно было ему узнать, что именно за февральскую работу постановлением жюри орсу присуждено второе место в соревновании.

Что можно сказать по поводу такого сюрприза? По поводу такого сюрприза можно сказать одно: не бывать бы счастью, да несчастью помогло.

В. МАЙМИСТОВ

г. Киев.

Дорогой Крокодил!

Мне не повезло. Я купил велосипед пензенского завода имени Фрунзе.

Через несколько дней в задней втулке системы «Торпедо» появились неприятные щелчки. При разборке я установил, что тормозная втулка раскололась на 8 частей.

Приобрести другую втулку в нашем городе нельзя. Тогда я вспомнил, что при покупке велосипеда мне вручили памятку: «Некоторые пожелания завода потребителю». Воспользовавшись советом, напечатанным в памятке, «в каждом трудном случае прибегать к помощи завода», я послал письмо в Пензу с просьбой

выслать мне новую втулку. Это было три месяца назад. С тех пор я каждые две недели посылаю письмо, и не только втулки, а даже ответа получить не могу.

Успокаивает меня одно, что главный конструктор нашего завода ответ получил только через 8 месяцев.

С. ШИПАЧЕВ,
инженер.

г. Свердловск

$2 \times 2 = 3$ сорт

Дорогой Крокодил!

Помоги мне, пожалуйста, решить задачу № 1193 из сборника арифметических задач и упражнений Н. Никитина, Г. Поляка и Л. Володиной (издание 1947 года):

«В магазине продали сукно трёх сортов за 3270 рублей. Сукна 1-го сорта было 17 м, 2-го сорта — 16 м и 3-го сорта — 14 м. Метр сукна 1-го сорта стоил на 8 рублей дешевле метра сукна 2-го сорта, а метр сукна 3-го сорта стоил на 15 рублей дороже метра сукна 2-го сорта. Сколько стоил метр сукна каждого сорта?»

По Никитину, Поляку и Володиной, получается, что метр сукна 1-го сорта стоил 60 рублей, 2-го сорта — 68 рублей и 3-го сорта — 83 рубля. Но этот ответ неправильный. Потому что ни одна уважающая себя торговая организация не станет продавать первый сорт по более дешёвой цене, чем второй, а на третий сорт ставить самые высокие расценки, даже если на этом настаивают авторы задачника.

БУСЯ СВЕРДЛИНА,
ученица 33-й женской школы

г. Киев.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● Читатель Крокодила уполномоченный Госплана СССР по Мордовской АССР тов. Соломонов писал в редакцию о беспорядках в банях Саранска. Как сообщают из Министерства коммунального хозяйства РСФСР, директор Саранского комбината коммунально-бытового обслуживания Мешков с работы снят.

● В напечатанной в № 4 заметке «Юридический казус» Крокодил рассказал о том, как председатель Рязанского областного суда тов. Гришин опубликовал в местной газете статью, которая, как две капли воды, была похожа на статью из журнала «Социалистическая законность». Факт плагиата полностью подтвердился. Рязанский обком ВКП(б) поставил тов. Гришину на вид.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Изд-во „Правда“

Москва. Изд. № 479.

Подп. к печати 23/VI—1948 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Ксл. зн. в. 1 печ. л. 78.000.

А — 02591

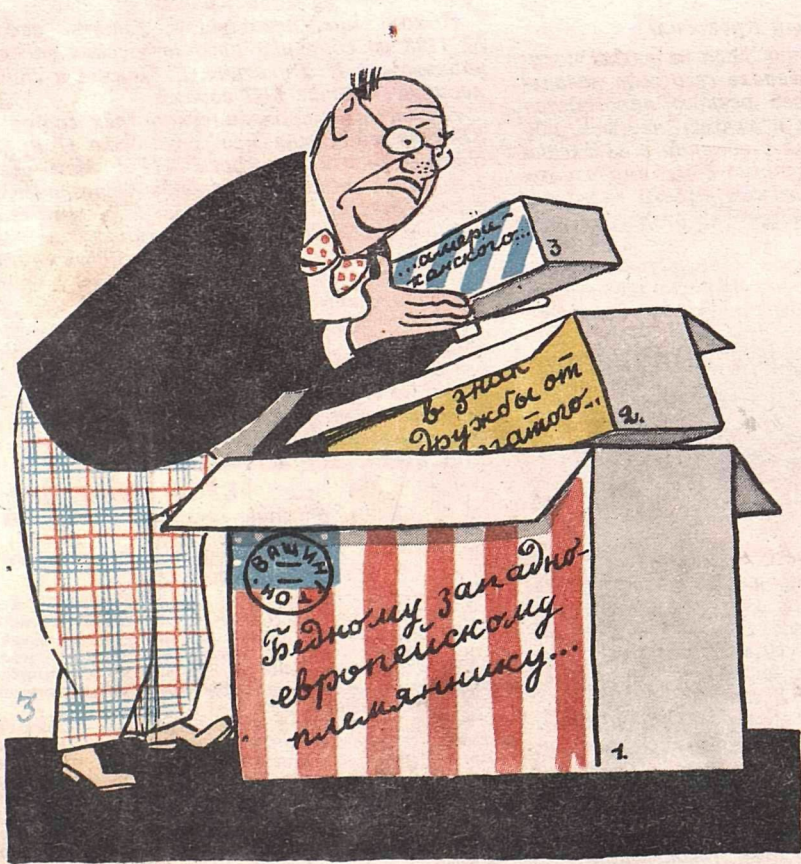
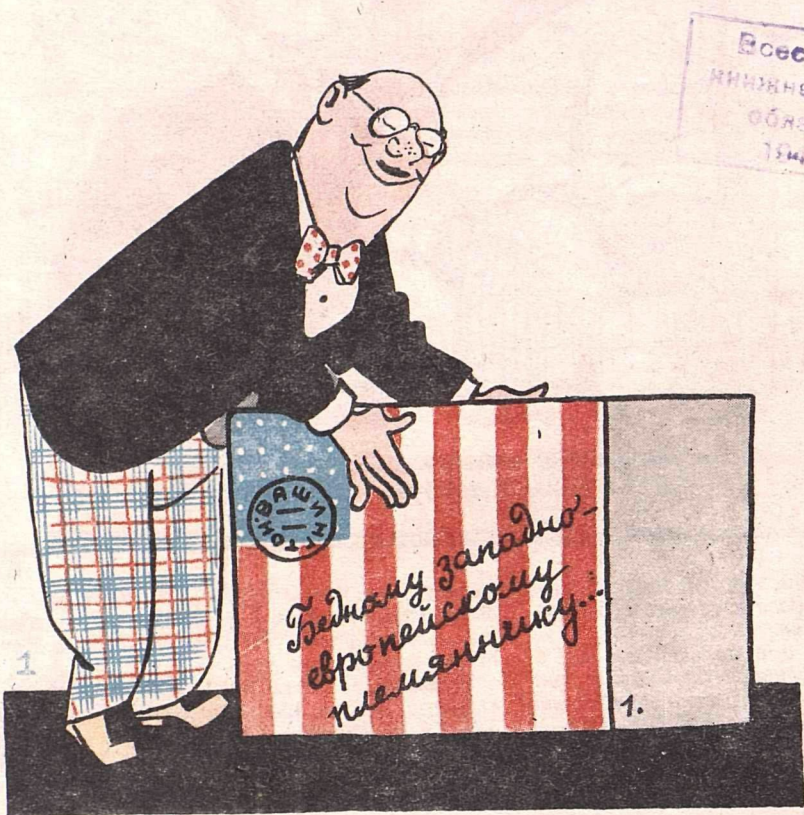
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1543. Тираж 150 000 экз.

«ПЛАН МАРШАЛЛА» В ДЕЙСТВИИ,

ИЛИ

Рис. Ю. ГАНФА

ЮГ 48

Гора родила мышь.